

Н. Б. Лапаева (*Пермь*)

Мир вогулов в романе Алексея Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин»: особенности изображения

Новый роман талантливого пермского прозаика Алексея Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин»¹ посвящен событиям, происходившим на Урале в конце XVIII века, спустя четыре года после разгрома восстания под руководством Емельяна Пугачева. Основная сюжетная линия романа связана с судьбой его главного героя – молодого сплавщика Остафия Перехода (Осташи), который должен разгадать загадку гибели своего отца, чтобы смыть пятно позора с родового имени.

Иванов представил на суд читателей синтетическое в жанровом отношении произведение: в нем заметны черты исторического романа, сильна детективная основа, есть элементы «народного» романа, присутствует фантастическое начало. Трудно выделить жанровую доминанту произведения. Каждая из перечисленных жанровых составляющих является полноценной и значимой.

Историческая тема в произведении связана с воспроизведением эпохи XVIII века: Иванова интересует социальная ситуация, обусловленная событиями крестьянской войны под водительством Пугачева; кроме того, он

---

¹ *Иванов А.* Золото бунта, или Вниз по реке теснин. – СПб.: Азбука-классика, 2005. (Далее в статье текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках).

следит за обострением конфликта между расколом и официальным православием).

Детективная основа романа придает ему увлекательный и захватывающий характер. Пружиной сюжета становятся приключения Осташи, пытающегося найти клад, который был в свое время доверен его отцу самим Пугачевым. Сюжет романа строится на том, как упорный Осташа преодолевает козни тех, кто мешает ему в этом (Осташу хотят уверить в нечестности отца Перехода-старшего, убить, обмануть, запутать, запугать, пустить по ложному следу и т.д.). В конце романа Осташа обретает казну Пугачева, которая четыре года не давалась ни шаманам (вогул Шакула), ни разбойникам (Яшка Фармазон), ни бродягам-пытарям (татарин Багирка).

«Золото бунта, или Вниз по реке теснин» в какой-то степени можно назвать и «народным» романом, поскольку в нем великолепно переданы особенности социального уклада сплавщиков и купцов, живущих на уральской реке Чусовой, а также обрисованы черты их социальной психологии.

Наконец, фантастическая (или «фэнтезийная») линия произведения реализует себя в некоем странном и причудливом «узоре» сюрреалистического сюжета, состоящего из звеньев запечатленных автором мистических событий, среди которых – камлание, таинственные появления мертвецов и призраков, манипуляции героев с душой, которую они теряют и вновь обретают и т.д.

Отметим, что фантастическая линия в романе связана с образами героев-вогулов – шаманом Шакулой и его приемной дочерью Бойтэ. С персонажами Шакулой и Бойте в роман входит мир вогулов.

«Вогульская» тема реализует себя в двух ипостасях – этнокультурной (запечатлены особенности уклада, своеобразие быта, черты национального сознания финно-угров в одной из своих ветвей – мансийской) и мистической (изображены таинственные ритуальные действия вогулов, подчеркнута нечто иррациональное, «шаманское», в их поведении).

Далеко не случайно, что глава, которая вводит читателя в мир вогулов, называется «Люди леса». Избитый своим главным врагом Кольваном, Осташа отправляется вдоль по Чусовой на утлом «шитике» и попадает к вогулу Шакуле.

Создавая «внешнее» пространство вогулов, писатель использует элементы этнографического очерка. Описание вогульской деревни Ёквы напоминает фрагмент из учебника по этнографии: деревня «десятком низких домишек и десятком чумов расползлась по берегу Чусовой в излучине» [с.62]; «вогулы преняли у русских привычку огораживать дворы, но как это делать и зачем – не вникали» [с.63].

Характерно, что изображение деревни включено в особенный ландшафтный орнамент, подчеркивающий теснейшую связь вогулов с природой. Природа, окружающая деревню, – мощная, живая, таинственная: «Над берестяными крышами высоко возносились тонкие мачтовые сосны.

Косматое солнце (курсив везде мой – Н.Л.) слепило сквозь их *ветхую хвою*. Вдали по правую руку вставали над лесами три красноватых чела Собачьих Камней, словно старые небеленые печи. Огненно рябила речушка Ёква <...> Ярко зеленела свежая трава на берегах» [с. 63].

Описание внутреннего устройства двора и дома Шакулы и Бойтэ закрепляет представление о вогулах как об этносе, для которого связь с силами природы, являясь основополагающей, определяет своеобразие восприятия мира. Двор Шакулы, не отделяющего себя от природного мира, охвачен «шаткой изгородью: старик вогул натыкал так и сяк палок, прутьев, обломков жердей, перевил их двумя-тремя лещинами и тем был доволен» [с.62]. Шакула не перенял цивилизацию, которую принесли в эти места русские. Автор подчеркивает, что он сохраняет, в частности, пристрастие к чуму – жилищу, которое характерно для уклада вогулов еще с древних времен: «В ограде стоял и чум Шакулы, где старик жил, пока не донимали морозы» [с. 62]. Не выключенность из природы, а глубокую укорененность в природном мире подтверждает и колоритная картина двора Шакулы: «Повсюду на дворе валялись рваные полотна и закрученные *полосы бересты*, куски *сосновой коры*, *ломаный сушняк* для очага, <...>. К низким стенам были привалены связки *тальника*, <...> на сушилках и на ограде были растянуты сети с *белыми прядями невытутанных водорослей*» [с.62-63].

Внутри избы, где очнулся Осташа, также просматривается преобладание природного над цивилизационным. Осташа видит «низкую избу с земляным полом», «широкую лавку»; он отмечает, что в избе пахнет «*сушеными травами* и раскаленными камнями чувала», что «избушка была загромождена всяким хламом и дребеденью – коробами и туесами, *ворохами шкур* и тряпья, *хворостом*, треснувшими корчагами...» [с. 62].

Отметим, что Шакула укоренен в жизни леса. Описание лесных промыслов, которыми занимался Шакула, характеризует уклад вогулов, связанных с пространством леса: «Шакула был ясачным вогулом и вправду жил лесом: бил зверя, ставил силки, собирал грибы, ягоды и травы, брал дикий мед и живицу, обколачивал кедры <...>. А еще Шакула понемногу курил смолу и гнал деготь, плел вентери, корзины и морды, вертел клячем витвины – веревки из гибких виц, <...>, гнул пестери, туеса... » [с.65].

Однако описание лесных «профессий» Шакулы становится не только способом этнографической характеристики вогулов как этноса – лес перерастает в мифологему, превращаясь в особое пространство / время, которое символизирует таинственность, закрытость, иррациональность.

Противопоставляя Осташу как человека реки и Шакулу как человека леса, писатель запечатлевает процесс столкновения разных мировоззрений, культур, типов сознания; он актуализирует проблему осмысления феномена «другого».

Шакула противопоставляет лесу как пространству вогулов реку, которая связана с путем русских. «Плавать я не боюсь <...> Только у нас старики говорили: кто чем живет, тот тем и ходит. Я лесом живу, что он даст – то ем,

тем пользуюсь <...> Лесом и хожу. *На что мне река? Это не моя дорога. Это ваша дорога. Это ваша дорога, русских, что без ума и страха*» [с.65], – утверждает он.

Шакула высказывает мысль о вторжении новой «речной» цивилизации в «лесной» мир язычников, которая разрушает привычный уклад, вносит хаос в установленный порядок. Ермак и Пугачев становятся для него знаками «иногo чужогo», которое взрывает «привычное свое». Ермака он воспринимает как разрушителя: «Это все Ермак ваш, – убежденно сказал Шакула. – Старики рассказывали, что он велел болбанов наших *рушить*. Ладно, не нравится тебе бог, плохой, – так убей его, прогони, обругай, не корми, сожги идола. А *Ермак говорил – кидай в воду!* Вот всех и поскидали в Ханглавит. Почти все наши боги и попали в реку. *Это лесные-то боги!* Чего им там делать? *Они же в реке ничего не умеют!* Драться начали, грызться, пучат реку по весне, гонят! А которые боги смогли – те на берег поползли, да здесь и окаменели. Стоят теперь скалами, в злобе бьют ваши каюки, топят вам. Так вам и надо» [с.66]. Пугачев, по его мнению, лишил его перспективы спокойной старости: «Я думал, девчонка вырастет, мне внуков народит, учить стану <...> Ваш *Пугач бешеный* всю мою старость отравил» [с.69]. Речь Шакулы есть отражение мифологического сознания, это пример объяснения мира и конфликтов в нем через призму языческих мифов.

Восприятие Осташи Шакулой также носит мифологический характер: он называет его Холитан Хар Апм – Завтрашний Пес – и воспринимает как человека, обладающего силой для сражения с Шатуном – медведем-духом, символизирующим зло, перед которым человек испытывает страх и ужас.

С образом вогулки Бойтэ в роман входит тема любви, причем любви таинственной, заставляющей человека томиться, страдать, тосковать. Осташа, потеряв Бойтэ, скучает как по ее телу, так и по ее загадочной душе.

Бойтэ – вогульский вариант идеи Вечной Женственности. Иванов варьирует известный в литературе мотив любви, захватывающей душу героя и соединяющейся с земным чувством любви-страсти. Образ Бойтэ – воплощение синтеза земного и метафизического.

В облике Бойтэ соединяются одухотворенность, таинственность, а также близкое к природе начало, что делает ее одновременно земной, материальной и бестелесной, в какой-то степени «надмирной»: «Лицо у нее было смуглое, *кошачье*, треугольное, глаза – *желто-зеленые, словно осенние*, а пышные неприбранные волосы – совсем светлые, как седые», «В *лесных глазах* Бойтэ мелькнула давно отгоревшая боль <...>. Грустно улыбнувшись бледными нецелованными губами, Бойтэ котлом спихнула Осташу со ступеньки и пошла наверх. Лесенка даже не скрипнула под *ее легкими ногами*, только подол рубахи с запахом сена и девичьего тела обмахнул Осташу по лицу» [с.72].

Телесное и метафизическое соединяются в любовной сцене, которая следует сразу после убийства Осташей Яшки Фармазона. Бойтэ открывает Осташе необыкновенные перспективы, связанные с ее возможностями

шаманки, ведьмы, колдуньи: «Ты будешь мой муж, а я – хозяйка твоей реки! Я твоя сила буду! Хочешь добро сотворить – добро сотворю, хоть всем! Хочешь зло – пусть будет зло! Правда не нужна! Сила нужна! Я твоя сила, мой эрнэ эруптан!» [с.433].

В образе Бойтэ обретают свое воплощение мифические представления вогулов о силе слова, их вера в колдовство. Бойтэ всегда спасает Осташу таинственными и странными способами.

Так, например, изображение уже первой встречи Осташи и Бойтэ сопровождается мотивами жертвенности, таинственного начала в женской любви. Иванов дает описание того, как Бойтэ лечит Осташу, которому кажется, что «девка нашаманила»: «И вдруг Осташа почувствовал, что на него легла голая девка. Она была, наверное, легкой, как лукошко с ягодами, но сейчас показалась тяжелой, как чугунная пушка. Осташа, раздавленный непосильной ношей, хотел закричать, заругаться, но дыхания не хватило, и он только захрипел. А тело девки словно бы начало легчать, остывать, впитывать Осташин жар, от которого уже высохли глаза и спеклись мозги. Девка, словно измучившись, сползла Осташе по бок, обнимая его по-прежнему, и *точно благодать снизошла* на Осташу» [с.61].

Весьма важен тот эпизод в романе, когда Осташа, уснувший в лесу, где он мог бы погибнуть, вспоминает о клубке суровых ниток, которыми Бойтэ велела ему провести границу между собой и миром духов, и это помогает ему в тот момент, когда «из темноты, шатаясь, появился Шакула и привалился к елке».

Бойтэ совершает ряд мистических подвигов ради Осташи: она последовательно убивает три души Шакулы, внутри которого жили Бойтэ, он сам и старуха Макариха.

Во время последней встречи Бойтэ и Осташи она сама перечисляет свои странные поступки, которые совершает ради возлюбленного: «Я. Я нашла тебя первой, Холитан Хар Ампл! – пела вогулка, вертись по чуму. – Это я все придумала, я все подстроила, я за тобой следом всегда мороком неслась! Это я камлала, и Кона умер! Это я камлала, и гора раздавила скит! Это я Шакулу убила – почти убила, да! Это я сгубила Яку, я, я, я!» [с.432].

«Рисунок» поведения Бойтэ носит языческий характер: она общается с «ургаланами» («маленькими идолами, хранителями душ»); совершает странные ритуалы, тайным зрителем которых оказывается Осташа («Бойтэ подошла к идолку, присела на корточки, забормотала что-то, оглаживая идола по разохшимся щекам, потом сунула ему в рот руку и вытащила нож и горсть монет <...> [с.77]); способна предвидеть грядущие события (помогает Осташе спастись от преследований Яшки Гусева и Шакулы); лечит шаманскими и знахарскими способами (в частности, берет на себя болезнь Осташи).

В Бойтэ соединяются разные начала: она нежная и незащищенная и одновременно сильная и страстная. Бойтэ вызывает у Осташи теплые чувства, он испытывает неземную любовь к ней. Но она для него – всегда

диво и чудо, всегда загадка, которую невозможно разгадать. Он боится ее («...надо спастись» [с.441]; «...бездонным омутом чернела душа Бойтэ – а на Бойтэ и смотреть нечего: *ведьма*» [с.456]), но, разлучившись с Бойтэ, тоскует по ней, испытывает необъяснимое к ней притяжение («Никуда любовь к ней не пропала, не угасла. Осташа с горечью уже понял: и не угаснет. Нет, он больше не пойдет к вогулке. Он вообще ее больше никогда не увидит. Встретит ненароком – отвернется. *Но ничего не поделатъ с любовью*» [с.456]; «Осташа ни о чем не жалел из того, что сотворил. *А любовь – пускай она будет вечным напоминанием. Пускай всегда саднит, не заживает. И стоило лишь вспомнить о девке, как успокоенная, остывшая душа вдруг раскалялась болью...*» [с.457]).

В конце романа становится известно, что Бойтэ уходит на Конду («На Конде много вогулов живет. Там еще наша земля» [с.698]) – героиня уходит в мир «своего».

Итак, вогульский мир представлен в романе многогранно: запечатленными этнографическими подробностями, прорисованным природным ландшафтом, воспроизведенным автором мифологическим сознанием вогулов и «реконструированным» им языком, сопровождающей героев-вогулов мистикой. Одну из важнейших линий в романе Алексея Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» – «вогульскую» – следует определить как полифункциональную. «Вогульская» тема актуализирует в произведении этнокультурную проблематику, вносит в его художественную структуру «фэнтезийное» начало, придает повествованию загадочность и таинственность.